

ПСИХИЧЕСКИЕ ЭПИДЕМИИ И КОНЦЕПЦИЯ ВЫРОЖДЕНИЯ В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: К ИСТОРИИ МЕДИЦИНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАССОВЫХ ПСИХОЗАХ

**PSYCHIC EPIDEMICS AND THE CONCEPT
OF DEGENERATION IN RUSSIA
AT THE TURN OF THE 19TH–20TH
CENTURIES: ON THE HISTORY
OF MEDICAL IDEAS ABOUT MASS
PSYCHOSES**

**E. Kravtsova
E. Levchenko**

Summary: The aim of the study is to identify the role of the concept of “degeneration” in the interpretation of the phenomenon of “psychic epidemics” in the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries and to compare it with modern digital analogues of mass psycho-emotional behavior.

The methodological basis of the research includes the comparative-historical method, discourse analysis, and a cultural approach, which together make it possible to comprehensively examine both medical and sociocultural aspects of mass psychic reactions. The article analyzes the development of ideas about “psychic epidemics” in Russian psychiatry of the late 19th – early 20th centuries (I.P. Merzheevsky, P.I. Kovalevsky, S.S. Korsakov, V.M. Bekhterev), traces the influence of the degeneration narrative on the formation of social and medical interpretations of mass phenomena, and reveals structural parallels with modern digital forms of collective behavior (virtual panics, flash mobs, online trauma).

The scientific novelty lies in the interdisciplinary comparison of historical and contemporary forms of “psychic epidemics”, which makes it possible to demonstrate the persistence of basic mechanisms of psycho-emotional contagion and the transformation of explanatory models — from the biological concept of degeneration to the theories of “collective trauma” and “information-psychological influence”.

The practical significance of the study lies in the possibility of applying its results in the study of the history of Russian psychiatry, as well as in the development of media literacy and psychoprevention strategies aimed at reducing mass anxiety and increasing social resilience to destructive reactions.

Keywords: psychic epidemics, theory of degeneration, mass psychology, digital culture, collective trauma.

Кравцова Елена Сергеевна

Доктор исторических наук; профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Курский государственный медицинский университет

Левченко Елена Вадимовна

Кандидат медицинских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Курский государственный медицинский университет

levchenkoev@kurskstu.net

Аннотация: Цель исследования — выявить роль концепции «вырождения» в интерпретации феномена «психических эпидемий» в Российской империи конца XIX – начала XX вв. и сопоставить её с современными цифровыми аналогами массового психоэмоционального поведения.

Методологическую основу работы составили сравнительно-исторический метод, дискурсивный анализ и культурологический подход, что позволило комплексно рассмотреть медицинские и социокультурные аспекты массовых психических реакций. В статье анализируется развитие представлений о «психических эпидемиях» в отечественной психиатрии конца XIX – начала XX вв. (И.П. Мержеевский, П.И. Ковалевский, С.С. Корсаков, В.М. Бехтерев), прослеживается влияние нарратива вырождения на формирование социальных и медицинских трактовок массовых явлений и выявляются структурные параллели с современными цифровыми формами коллективного поведения (виртуальные паники, флешмобы, сетевые травмы).

Научная новизна заключается в междисциплинарном сопоставлении исторических и современных форм «психических эпидемий», что позволило показать устойчивость базовых механизмов психоэмоционального заражения и трансформацию объяснительных моделей — от биологической концепции вырождения к теориям «коллективной травмы» и «информационно-психологического воздействия».

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов при изучении истории отечественной психиатрии, а также при разработке стратегий медиаграмотности и психопрофилактики, направленных на снижение массовой тревожности и устойчивость общества к деструктивным реакциям.

Ключевые слова: психические эпидемии, теория вырождения, массовая психология, цифровая культура, коллективная травма.

Введение

Феномен «психических эпидемий», под которыми понимаются массовые формы изменённых психических состояний, фиксировался в различные

исторические периоды как в Европе, так и в России. Конец XIX – начало XX вв. ознаменовались активным обсуждением данной проблематики в медицинском и философском дискурсе. Отечественные психиатры — И.П. Мержеевский, П.И. Ковалевский, С.С. Корсаков,

В.М. Бехтерев — интерпретировали массовые психические реакции через призму концепции «вырождения», связывая их как с наследственными предрасположенностями, так и с факторами социальной дестабилизации.

В XXI веке цифровая коммуникационная среда формирует новые типы коллективных психоэмоциональных явлений — от «виртуальных паник» до флешмобов и «цифрового траура» — которые демонстрируют структурное сходство с историческими моделями «психических эпидемий». Это обстоятельство актуализирует необходимость сравнительного анализа, направленного на выявление преемственности механизмов психоэмоционального заражения и эволюции объяснятельных моделей.

Цель исследования — выявить роль концепции вырождения в интерпретации феномена «психических эпидемий» в Российской империи конца XIX – начала XX вв. и сопоставить её с современными цифровыми аналогами массового поведения.

В соответствии с поставленной целью определены следующие **задачи исследования**:

1. Провести историографический обзор проблемы психических эпидемий и концепции вырождения.
2. Рассмотреть исторические примеры массовых психических реакций в России конца XIX – начала XX вв.
3. Проанализировать роль нарратива вырождения в отечественной психиатрической традиции.
4. Сопоставить исторические модели психических эпидемий с современными цифровыми аналогами.
5. На основании исторического опыта обозначить пути снижения разрушительных последствий современных массовых психоэмоциональных явлений.

Методологическую основу исследования составили сравнительно-исторический метод (для выявления преемственности объяснятельных моделей), дискурсивный анализ (для реконструкции трактовок психических эпидемий в научных и философских текстах) и культурологический подход (для анализа социокультурных последствий коллективных психоэмоциональных реакций).

Теоретическую базу исследования формируют труды Ф. Пинеля, Ж. Эскироля, Б. Мореля, Г. Лебона, М. Норда, М. Фуко, И. Хаккинга и А. Ассман, рассматривающих массовые психические явления как социально-культурный конструкт, связанный с историческими формами коллективного сознания.

Методы исследования

Методологическую основу работы составили срав-

нительно-исторический метод, дискурсивный анализ и культурологический подход, применение которых обеспечило комплексное рассмотрение феномена «психических эпидемий» как на медицинском, так и на социально-философском уровнях.

Сравнительно-исторический метод позволил выявить преемственность объяснятельных моделей массовых психических явлений от конца XIX – начала XX вв. до цифровой эпохи. На его основе сопоставлялись медицинские трактовки «психических эпидемий» в трудах И.П. Мержеевского, П.И. Ковалевского, С.С. Корсакова и В.М. Бехтерева с современными концепциями «информационно-психологического воздействия» и «коллективной травмы».

Дискурсивный анализ применялся для реконструкции способов описания массовых психических явлений в научных, философских и публицистических текстах. Исследование опиралось на подходы М. Фуко, Ж. Эскироля, И. Хаккинга и А. Ассман, рассматривающих психические эпидемии как элементы культурного нарратива, отражающие представления общества о норме, патологии и коллективной идентичности.

Культурологический подход позволил рассматривать психические эпидемии не только как медицинский феномен, но и как проявление массовой культуры. Он обеспечил анализ социокультурных последствий коллективных психоэмоциональных реакций, а также их современных цифровых аналогов — интернет-флешмобов, «виртуальных паник» и меметических вспышек.

Теоретическую базу исследования составили классические труды Ф. Пинеля, Ж. Эскироля, Б. Мореля, Г. Лебона, М. Норда, а также современные концепции М. Фуко, И. Хаккинга, А. Ассман и З. Туфекчи. Эти работы позволили объединить медицинский, философский и культурологический аспекты изучаемого феномена и выстроить междисциплинарную модель анализа «психических эпидемий».

Таким образом, выбранная методологическая стратегия обеспечила возможность комплексного анализа исторических и современных проявлений массовых психоэмоциональных явлений, выявив как их общие структурные механизмы, так и трансформацию объяснятельных моделей от биологического к социокультурному и цифровому уровням интерпретации.

Обсуждение и результаты

Вопрос о феномене массовых психических реакций на протяжении столетий находился в поле внимания врачей, философов и культурологов. Уже в XVIII–XIX вв. в европейской науке складываются разные подходы к пониманию того, что впоследствии получило название

«психические эпидемии».

Одним из первых к их описанию обратился французский врач Филипп Пинель, который в трактате «О душевных расстройствах» подчеркнул влияние социальных факторов на развитие психопатологических состояний, отмечая способность психических явлений «распространяться» в определённых сообществах [1]. Его ученик Жан Эскироль развил эту мысль, вводя представление о «психическом заражении» (*contagion mentale*), объяснявшем случаи массового безумия [2].

Во второй половине XIX века ключевым объяснительным инструментом массовых психических явлений стала теория вырождения, предложенная французским психиатром Бенедиктом Морелем в фундаментальном труде «Трактат о вырождении». Согласно его концепции, неблагоприятные наследственные факторы постепенно усиливаются от поколения к поколению, приводя в конечном итоге к слабоумию, эпилепсии и другим формам психических расстройств [3].

Эти идеи были подхвачены и популяризированы в более широком культурном контексте. Так, М. Нордау в книге «Вырождение» интерпретировал современные ему художественные и социальные явления *fin de siècle* (конец века) как симптомы культурной дегенерации, что расширило применение теории вырождения далеко за пределы медицины [4].

Особое место в развитии представлений о психических эпидемиях занимали труды социальных психологов. Гюстав Лебон в «Психологии народов и масс» отмечал подверженность больших групп внушению и аффективным состояниям, что, по сути, предвосхитило более поздние исследования массовой психологии [5].

В российской традиции конца XIX – начала XX вв. теория вырождения также получила широкое распространение. И.П. Мережевский, выступая на Первом съезде отечественных психиатров в Москве в 1887 г., связывал рост нервных и психических болезней с ненормальными социальными условиями, включая злоупотребление алкоголем и ускорение темпа жизни [6]. П.И. Ковалевский и его харьковская школа трактовали неврастению как «русскую болезнь», встраивая её в концепцию вырождения [7]. С.С. Корсаков и В.М. Бехтерев документировали массовые психические явления в периоды войн и революций, рассматривая их в контексте социальной патологии [8; 9].

В XX веке интерес к проблеме массовых психических явлений получил новое развитие в философии и культурологии. М. Фуко в работе «История безумия в классическую эпоху» показал, как менялись формы интерпретации психических расстройств и их социально-го восприятия. В исследованиях ученых XX и XXI веков

феномен психических эпидемий рассматривается как культурно-исторический конструкт, тесно связанный с проблемами коллективной памяти и биополитики [10].

Следовательно, историография демонстрирует сложное взаимодействие медицинских, философских и культурологических объяснительных моделей общественного сознания. Если в XIX веке ведущую роль играла биологическая концепция вырождения, то современные исследователи склонны трактовать психические эпидемии как социокультурный феномен, зависящий от исторического контекста и коллективных форм восприятия.

Феномен массовых психических явлений имеет глубокие исторические корни и неоднократно фиксировался в разные эпохи.

В Средние века наибольшую известность получила «пляска святого Вита» (XIV–XVI вв.), охватывавшая целые города Центральной Европы. Участники танцевальной мании впадали в изменённые состояния сознания, теряли контроль над движениями и часами находились в состоянии транса. Современники объясняли это либо одержимостью, либо действием ядовитых веществ (например, спорыньи) [11]. Церковь трактовала такие явления как знамения или наказание свыше, а врачи – как проявления соматических и психических расстройств.

В Новое время массовые психические явления приобретают иные формы. В XVIII веке широкое распространение получил месмеризм – магнетические сеансы Франца Месмера, сопровождавшиеся массовыми состояниями экстаза и катарсиса. Подобные практики сочетали в себе элементы науки, мистики и религиозных переживаний, формируя новые типы коллективных психических реакций [12].

XIX век отмечен ростом интереса к массовым истериям и религиозным пробуждениям, сопровождавшимся коллективными изменениями сознания. Революции и войны усиливали распространение подобных явлений: психиатры фиксировали вспышки психозов среди солдат, а также массовую паническую реакцию населения в периоды социальных катаклизмов [13].

Особое значение феномен психических эпидемий приобрёл в России. С одной стороны, они проявлялись в рамках религиозных сект и мистических движений. Так, старообрядческие и сектантские общины фиксировали случаи коллективных экстатических состояний, которые врачи объясняли психопатологией на основе «дегенеративной наследственности» [14].

С другой стороны, массовые психические реакции сопровождали революционные и военные события. Психиатры П.Б. Ганнушкин, В.П. Осипов описывали явле-

ния психического заражения в армейской среде и среди населения, находившегося в условиях постоянного стресса и неопределенности [15; 16].

Следовательно, ретроспективный анализ показывает, что психические эпидемии рассматривались как зеркало социальных процессов. В Средневековье они объяснялись демоническими влияниями, в XVIII–XIX вв. – воздействием магнетизма и истерии, а в России рубежа XIX–XX вв. – через призму теории вырождения, связывающей наследственные дефекты с социальными катаклизмами.

Вторая половина XIX века стала временем утверждения теории вырождения как универсального инструмента интерпретации социальных и психических патологий. В медицинском дискурсе теория вырождения позволяла связать индивидуальные болезни с социальными кризисами ссылки, а в философском и публицистическом – превращала массовые психические эпидемии в индикатор национального упадка.

Нarrатив вырождения имел серьёзные последствия для общественного восприятия психических эпидемий. Во-первых, он усиливал стигматизацию отдельных социальных групп – бедных, сектантов, мигрантов, которые рассматривались как «переносчики дегенерации». Во-вторых, он способствовал развитию евгенических проектов, ориентированных на профилактику «социальных болезней» и предотвращение вырождения нации [17]. В-третьих, он закрепил за психиатрией статус науки, способной не только лечить индивидов, но и диагностировать «здоровье общества».

Следовательно, в российском контексте нарратив вырождения превратил психические эпидемии в маркер национального кризиса и инструмент социальной критики. Он позволял объяснять коллективные психические явления как результат рокового взаимодействия наследственных патологий и социальных катастроф, одновременно формируя идеологическую основу для консервативных политических и медицинских проектов.

В XXI веке термин «психическая эпидемия» всё чаще используется в метафорическом значении для обозначения массовых психоэмоциональных реакций, распространяющихся в цифровой среде. Такие явления обладают структурными сходствами с историческими психическими эпидемиями – они также основаны на механизмах внушения, заражения и эмоционального резонанса, но реализуются в принципиально новой медийной оболочке [18].

Пандемия COVID-19 (2020–2022 гг.) сопровождалась глобальными всплесками массовой тревожности и паники. Распространение дезинформации в социальных сетях усиливало ощущение угрозы и приводило к фор-

мированию «виртуальных паник» [11].

Вирусные флешмобы и челленджи («Ice Bucket Challenge», «Blue Whale» («Ведёрко со льдом бросает вызов», «голубой кит» и др.) демонстрируют способность идей и практик (флешмоб и челлендж – практики воздействия на сознание масс людей) стремительно захватывать большие аудитории, создавая эффект «заражения» через подражание.

Коллективные психоэмоциональные реакции в социальных сетях проявлялись, например, во время глобальных катастроф (теракт 11 сентября 2001 г.), когда миллионы пользователей транслировали схожие эмоциональные состояния, создавая феномен «цифрового траура» или «цифровой тревоги».

Современные массовые психоэмоциональные явления базируются на нескольких ключевых механизмах:

Психоэмоциональное заражение – быстрое распространение аффективных состояний через сеть (например, массовая паника или эйфория).

Внушаемость и подражание – готовность пользователей воспроизводить наблюдаемые действия (участие во флешмобах, массовые акции).

Эмоциональный резонанс – взаимное усиление переживаний внутри цифровых сообществ.

Групповая динамика – сплочение пользователей вокруг символов, хэштегов и мемов, что заменяет традиционные формы собраний и митингов [19].

В отличие от локальных вспышек прошлого, современные психические эпидемии обладают глобальным характером. Цифровые технологии обеспечивают мгновенное распространение информации и эмоций, стирая географические и культурные границы. Алгоритмы социальных сетей усиливают эффект, формируя «эхо-камеры», где пользователи подвергаются постоянному воздействию схожих эмоций и идей.

Современные междисциплинарные исследования (психиатрия, история, философия, культурология) заменяют биологически детерминистскую концепцию вырождения на более гибкие категории. К ним относятся понятия «коллективная травма», «психосоциальный стресс», «информационно-психологическое воздействие» и «биополитические практики управления вниманием». Это позволяет лучше понять массовые психоэмоциональные явления в цифровую эпоху.

«Коллективная травма» – общее психологическое переживание трагических событий, закрепляемое в культурной памяти (пример: COVID-19).

«Психосоциальный стресс» – напряжение, возникающее под воздействием социальных и информационных факторов (пример: инфодемия и паника во время кризисов).

«Информационно-психологическое воздействие» – целенаправленная манипуляция сознанием через цифровые технологии, используемая в политических и медийных практиках.

«Биополитические практики управления вниманием» – контроль и распределение общественного внимания через алгоритмы социальных сетей, что формирует новые формы зависимости и массового поведения.

Следовательно, современные цифровые «психические эпидемии» демонстрируют преемственность базовых механизмов коллективного поведения, известных с XIX века, но отличаются масштабом и медиальной природой. Их анализ показывает, что феномен, ранее связанный с наследственностью и социальной средой, сегодня объясняется особенностями цифровой коммуникации и управления вниманием.

Заключение

Проведённое исследование показало преемственность интерпретаций феномена «психических эпидемий» — от биологически детерминированной концепции вырождения конца XIX – начала XX вв. до современных теорий коллективного поведения в цифровой среде.

Исторический анализ выявил, что российские психиатры (И.П. Мержеевский, П.И. Ковалевский, С.С. Корсаков, В.М. Бехтерев) рассматривали массовые психические явления как отражение общественных кризисов, объясняя их взаимодействием наследственных и социальных факторов. Нarrатив вырождения стал универсальной моделью осмыслиения коллективных расстройств и показателем культурного упадка.

Сопоставление исторических и современных циф-

ровых форм психоэмоционального заражения выявило устойчивость базовых механизмов — внушаемости, подражания, эмоционального резонанса и групповой динамики. Однако в цифровую эпоху они приобретают новую медиальную природу, усиливаемую алгоритмами и сетевыми структурами, что превращает эмоции в вирусный ресурс общественной динамики.

Современные «цифровые психические эпидемии» — виртуальные паники, флешмобы, волны тревожности — демонстрируют переход от биологического детерминизма к категориям «коллективной травмы», «информационно-психологического воздействия» и «психосоциального стресса». Это позволяет рассматривать массовые психоэмоциональные явления как результат взаимодействия социальных, культурных и технологических факторов.

На основе исторического опыта предложены пути снижения разрушительных последствий современных психоэмоциональных явлений:

- развитие программ медиаграмотности и критического восприятия информации;
- формирование навыков эмоциональной саморегуляции и психопрофилактики в цифровой среде;
- повышение ответственности медиа-платформ за управление контентом;
- внедрение междисциплинарных подходов к анализу и регулированию социальных реакций.

Таким образом, поставленные во введении задачи выполнены, а цель исследования достигнута. Результаты могут быть использованы в историко-медицинских и культурологических исследованиях, а также в практике кризисных коммуникаций и профилактике массовых тревожных реакций.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением региональной специфики «психических эпидемий», механизмов цифровых паник в различных культурных контекстах и возможностями применения исторического опыта в современных программах психопрофилактики и медиаграмотности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пинель Ф. О душевных расстройствах. Париж, 1801.
2. Эскироль Ж.-Э.-Д. О душевных болезнях, рассматриваемых в медицинском, гигиеническом и судебно-медицинском отношениях. Париж: J.-B. Baillière, 1838. Т. 1. 752 с.; Т. 2. 743 с.
3. Морель Б. Трактат о вырождении. Париж, 1857.
4. Нордау М. Вырождение. Берлин, 1894. 2 т.
5. Лебон Г. Психология народов и масс. Париж: Феликс Алькан, 1895. 447 с.
6. Мержеевский И.П. Речь на Первом съезде отечественных психиатров. Москва, 1887. 16 с.
7. Ковалевский П.И. Неврастения как «русская болезнь». Харьков: Тип. М. Зильберберга, 1894. 47 с.
8. Бехтерев В.М. Внущение и его роль в общественной жизни. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 312 с.

9. Корсаков С.С. Курс психиатрии. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1913. 832 с.
10. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Париж: Plon, 1961; рус. пер. М.: ACT, 1988. 573 с.
11. Beer M. The Dancing Mania. London: Routledge, 2008. 256 p.
12. Nye R.A. Crime, Madness, and Politics in Modern France: The Medical Concept of National Decline. Princeton: Princeton University Press, 1984. 312 p.
13. Hacking I. Mad Travelers: Reflections on the Reality of Transient Mental Illnesses. Charlottesville: University Press of Virginia, 1998. 239 p.
14. Михельсон В.И. Массовые психические состояния и религиозные движения в России XIX – начала XX вв. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 456 с.
15. Осипов В.П. Основные течения современной психиатрии. М.: Тип. Тов. И.Д. Сытина, 1910. 240 с.
16. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий. М.: Госиздат, 1933. 364 с.
17. Mogilner M. Homo Imperii: A History of Physical Anthropology in Russia. Lincoln: University of Nebraska Press, 2013. 440 p.
18. Assmann A. Cultural Memory and Western Civilization. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 423 p.
19. Tufekci Z. Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest. New Haven: Yale University Press, 2017. 360 p.

© Кравцова Елена Сергеевна, Левченко Елена Вадимовна (levchenkoev@kursksmu.net).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»